

Влияние социально-экономических процессов на состояние прав и свобод личности (обзор юридических материалов средневековой Сербии, Беларуси и Русского государства)

Influence of socio-economic processes on the state of individual rights and freedoms (review of legal materials of medieval Serbia, Belarus and the Russian state)

Ермолович В.И.

Канд. ист. наук, доцент, Белорусский государственный университет

Ermolovich V.I.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Belarus State University

Аннотация

В представленном научном докладе «Влияние социально-экономических процессов на состояние прав и свобод личности» рассмотрен процесс развития крепостного права в средневековой Сербии, Беларуси и Русском государстве в XI–XVII вв. в контексте эволюции частной и государственной феодальной собственности. Важнейшим вопросом нашего исследования является вопрос влияния средневековых социально-экономических процессов на состояние прав и свобод личности из числа феодально-зависимых категорий населения.

Ключевые слова: права и свободы личности, частная собственность, государственная собственность, Сербия, Беларусь, Русское государство, средние века.

Abstract

The presented scientific report "The influence of socio-economic processes on the state of individual rights and freedoms" examines the process of serfdom development in medieval Serbia, Belarus and the Russian state in the XI-XVII centuries. in the context of the evolution of private and state feudal property. The most important issue of our research is the question of the influence of medieval socio-economic processes on the state of the rights and freedoms of individuals from among the feudal-dependent categories of the population.

Keywords: individual rights and freedoms; private property; state property; Serbia; Belarus; Russian state; Middle Ages.

В процессе эволюции феодальных отношений в средневековой Сербии уже в XIV в. стираются различия между вотчиной (баштиной) и условной формой собственности (пронией). Это знаменовало собою начало становления в сербском феодальном обществе универсального института частной собственности. В этот период в стране завершается процесс закрепощения всех категорий зависимых крестьян. О чем свидетельствуют нормы «Законника Стефана Душана» 1349 г. В частности, ст.66 «Об отроке и меропхе» Призренского списка «Законника Стефана Душана» гласит: «Отроки и меропхи, которые сидят вместе в одном селе, всякую плату, которая приходит, да платят вместе (по числу душ). Как плату платят и работу работают, так и землю да держат» [1, с. 116]. Из указанной статьи следует, что отроки, как и

основная категория зависимых крестьян средневековой Сербии – меропхи в «Законнике Стефана Душана» уже были наделены единой правоспособностью и дееспособностью. Ст. 67 «О меропхе» указанного Законника уточняет статус всех категорий крепостных крестьян Сербии. В частности, в ней сообщается: «Меропхам закон по всей земле. В неделю да работают два дня помещику и дают ему в год царский перпер и безвозмездно да косят ему сено один день и (обрабатывают) виноградник один день, а кто не имеет виноградника, да выполняют они ему другие работы один день. И что наработает меропх, то все приобретает, а иного сверх закона ничего у него да не отыметя» [1, с. 116].

Закрепощение крестьян в Сербии сопровождалось не только ограничением их личных прав и свобод, но и установлением системы уголовных наказаний для зависимых категорий населения. Они налагались не только органами государственной власти, но и светскими и церковными феодалами. За побег крепостного крестьянина, в соответствии со ст. 205 «Законника Стефана Душана», предусматривалось тяжкое телесное наказание – клеймение и обезображивание лица: «Если меропх убежит от своего господина в другую страну или землю царя (земли находящиеся в государственной собственности – прим. автора), где его найдет господин, пусть поставит ему клеймо и распорет ему нос» [2, с. 115].

Уголовные наказания в средневековой Сербии также свидетельствуют в пользу того, что в феодальном законодательстве прослеживается классовый характер. Например, ст. 94 Призренского списка «Законника Стефана Душана» гласит, если властитель убьет серба (своего зависимого крестьянина – прим. автора), он должен заплатить 1000 перперов. Если же серб убьет властителя, он должен заплатить 300 перперов штрафа и ему отсекали обе руки [1, с. 124].

О наличии в рассматриваемый исторический период значительной по своим размерам феодальной государственной собственности в средневековой Сербии, свидетельствуют обширные земельные пожалования королей (царей) своим вассалам и монастырям православной церкви. Основу данных пожалований составляли многочисленные общинные земельные угодья, которые являлись собственностью сербского государства. Процесс формирования феодальной частной собственности в Сербии, в том числе и за счет государственных (королевских) пожалований начинается задолго до воцарения первых Неманичей на сербском престоле и продолжался до утверждения турецкого владычества во второй половине XV в. Об этом наглядно свидетельствуют многочисленные юридические документы. Так, великий жупан Сербии Стефан Немань основал монастырь Хиландарь на святой Горе в 1198 г. и подарил ему села Непробишта, Момуша, Ретивль, Ретивштица, Сламодрава, Тернии, Тарновац, Хоча и гору Богач, а также 2 виноградника, 4 пчелиные пасеки, 170 влахов с кобыльими стадами и 30 пудов соли [6, с.13-14]. При этом не следует забывать, что сербские короли в рассматриваемый исторический период располагали возможностью жаловать своих подданных владениями, как за счет государственного земельного фонда (казны), так и из своих личных владений – королевского домена. И зачастую весьма непросто для современных исследователей установить грань данного различия. Для примера ознакомимся с очередным юридическим фактом. Королевская грамота Стефана Душана, изданная в феврале 1340 г., предписывала передать тому же Хиландарскому монастырю право собственности на села Полошко и Драгожелье, а также на поля, виноградники и другие угодья, которые их окружают [3, с.1-5]. В данном случае у нас есть все основания считать, что данное пожалование сербского короля Стефана было произведено за счет государственного земельного фонда, а не королевского домена, так как эти земли вошли в состав Сербии только в 1334 г., незадолго до указанного выше события [8, с. 56-58].

8 декабря 1400 г. от имени короля Сербии Стефана Остойи была издана грамота, на основании которой воевода Хервой получил город и жупу Хлевно в качестве баштины с последующим правом её передачи своему сыну князю Баошу [9, с. 186].

Определенную ясность в отношении данного юридического факта вносит ст. 135 «О баштине» Призренского списка «Законника Стефана Душана», которая гласит: «Когда жалуется царь грамоту на баштину. Кому запишет село, да будет логофету 30 перперов за хрисовул, а кому жупу – от всякого села 30 перперов, а дьяку за написание (грамоты) – 6 перперов» [1, с. 136]. На первый взгляд, здесь мы имеем дело с обычной пошлиной в пользу государства. Однако если посмотреть на величину пожалованного владения и требуемую сумму оплаты за него, исходя из постановления ст. 135 Законника, то вполне данный юридический факт можно квалифицировать в виде завуалированной сделки – купли-продажи земельных владений названного в указанном акте вельможи у средневекового сербского государства.

Баштина обладала исключительным иммунитетным правом, ее можно было отнять у владельца только за совершенную им государственную измену. Так, в грамоте царя Уроша от 1357 г. юридически закреплено положение о том, что баштина не отнимается «ни за едино, ни за кое сьгрешение», исключая государственную измену.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов о королевских пожалованиях в средневековой Сербии за счет владений королевского домена показывает, что почти все пожалования светским лицам осуществлялись на правах пронии, и размеры подобных земельных пожалований были сравнительно невелики. Следовательно, вышеуказанный пример также нельзя причислять к числу земельных пожалований из фонда королевского домена. Во-первых, потому что данная баштина слишком велика по территории земельного владения; и, во-вторых, королевская семья практически утрачивала право собственности на это владение. Оно перешло бы в полную собственность к воеводе Хервою и его семье. Возврат же пожалований подобного рода был делом почти нереальным. Хотя на практике примеры конфискации баштин за государственную измену встречаются достаточно часто в юридических документах конца XIV в. Так, деспот Иован Драгош и его брат Константин отняли два села у властеля Тодора, одно село у властеля Дабажева, одно село у властеля Новока и все указанные владения передали русскому монастырю святого Пантелеймона на святой Горе [7, с. 39-40]. Деспот Стефан за измену отнял баштину у обрата Драгопалака и передал ее властелину Мому в пронию [7, с. 40].

Вышерассмотренные примеры позволяют считать, что конфискованные владения переходили в казну, которая, в свою очередь, являлась источником для пожалований светским феодалам и монастырям. В пользу нашего довода свидетельствует и ст. 144 Призренского списка «Законника Стефана Душана», которая гласит: «Если властелин или властелинич будет уличен как перебежчик или как другой какой преступник моего царства и если окрестные села и жупа восстанут на грабеже его дома и его имущества, что он оставлен, те которые сделают это, да будет наказаны, как изменники моего царства» [1, с. 140]. В выше процитированной статье разговор идет о наказании тех лиц, кто примет участие в грабеже имущества перебежчика. Естественно, что сербский законодатель в данном случае не ведет речь о защите имущества государственного изменника. Мы склонны согласиться с мнением С.П. Бобровой, которое изложено в ее диссертации «Феодальное землевладение в Сербии в XII – первой половине XIV вв.», что имущество перебежчика становится государственной собственностью [5, с. 223]. Следовательно, закон в данном случае уже защищает собственность сербского государства.

В пользу того, что пожалования сербских государей светским и духовным феодалам велись за счет государственной собственности, а не королевского домена свидетельствует и тот факт, что по средневековой традиции собственность государева домена оставалась неотчуждаемой, она должна была увеличиваться, а не уменьшаться. Да и члены королевской фамилии не были заинтересованы в дроблении собственности домена и всячески сопротивлялись данному явлению. Убедительно в пользу нашего довода свидетельствует следующий факт. В 1348 г. специальным Хрисовулом царь

Стефан Душан пожаловал Корейскому монастырю Святого Саввы иерусалимского в г. Прилепы село Косорич в Метохии и 4 деревни Днеполье, Дольяны, Чешково и Челопецы, которые приносили царскому домену доход в 100 венецианских перперов (золотых монет) [4, л.1-2].

После смерти царя, его вдова, царица Елена потребовала в настоятельной форме вернуть ей эти владения. Случай для эпохи средневековья беспрецедентный. В связи с этим 1 сентября 1358 г. собирался церковный собор в Хиландаре, который принял соломоново решение: вернуть эти земли царице под предлогом того, что она может пользоваться садами монахини Елизаветы для своих нужд [4, л. 1]. Следовательно, маловероятным мог быть факт передачи владений царского домена в руки светских феодалов на правах баштины, если представители правящего дома по данному вопросу пошли на конфликт даже с церковью.

Также весьма спорным является факт, что владения королевского домена находились в приграничных районах сербского государства и время от времени превращались в предмет купли-продажи с целью получения средств для государственной казны. А примерами такого рода мы располагаем. В марте 1323 г. Малое вече Дубровника было извещено о прибытии короля Сербии Уроша Стефана Дечанского в приморские города Бар, Ульцин и Аламату. С этой целью правительства республики направило 4 нобелей для приветствия короля и поднесения ему от имени Дубровника даров на сумму 400 перперов. Кроме того, послы республики были уполномочены провести с королем Сербии – Урошем Стефаном Дечанским переговоры о покупке, за 2000 перперов деньгами или оружием на такую же сумму, земель и виноградников в окрестностях Жупы, Шумета и Затона [10, с. 242].

По имеющимся в нашем распоряжении данным, король Сербии принял предложения Дубровника и прислал своего представителя Марка Лукарича для ведения переговоров и заключения договора купли-продажи вышеуказанных земель и виноградников [10, с. 242].

С вышеназванным явлением мы столкнулись и в более поздний период истории сербского государства. Спустя десять лет, 22 января 1333 г. сербский король Стефан Душан пожаловал нескольких нобелей Дубровника баштиной Стонская Рать и окрестными ей землями, которая являлась составной частью территории средневековой Сербии. Детальное изучение содержания данного Хрисовула позволило сделать вывод, что указанное пожалование – это завуалированный по своему содержанию договор купли-продажи вышеназванных территорий в пользу Дубровника. Стоимость данного пожалования составила 8000 перперов, которые были выплачены правительством города – государства Дубровника в пользу сербского монарха [9, с. 119-120]. Значит, и в данном случае мы сталкиваемся с примером использования государственной собственности средневековой Сербии в обмен на деньги, которые были необходимы для поддержания функций государства.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что права и свободы крестьян, проживавших на землях, являвшихся собственностью средневекового сербского государства, по существу не отличались от положения крепостных крестьян, проживавших в частных феодальных владениях. Например, оскорбление, которое наносил свободный крестьянин феодалу, по «Закону Стефана Душана» каралось членовредительным наказанием – клеймением и денежным штрафом. Ст. 47 «О властельском поношении» Ходошского списка «Законника Стефана Душана» предписывает: «И если себр выберит властеля, да платит 100 перперов и да заклеимтся. Если же властель и властеличич выберит себра, да платит 100 перперов» [11, с. 124]. Из рассмотренной правовой нормы следует, что оскорбление, которое феодал наносил свободному крестьянину, наказывалось только денежным штрафом. Кроме того, нормы, заложенные в постановлениях «Законника Стефана Душана», под оскорблением понимают не только произнесение обидных слов,

ругательств, но и совершение действий, унижающих потерпевшего. Так, из содержания ст. 97 «О властельской бороде» Призренского списка Законника следует: «Кто вырвет волосы из бороды властеля или доброго человека, то отрубить ему обе руки» [1, с. 126]. Эта норма направлена на подавление всяческого возмущения представителей сербского крестьянства поведением лиц господствующего класса. Учитывая тот факт, что за подобное оскорбление себе равных лиц по статусу полагался только денежный штраф в 6 перперов [12, с. 66].

В средневековой Беларуси государство также являлось крупнейшим феодалом, которое в лице великого князя было собственником всех государственных земель или «господарских» владений. Фонд этих владений формировался различными путями. В период активной территориальной экспансии литовских феодалов в Беларуси в руки великого князя литовского перешли владения ряда удельных князей Рюриковичей и их вассалов, которые не подчинились его власти или по другим причинам исчезли с политической арены [13, с. 33]. Господарские владения расширялись и за счёт конфискованных, подаренных, завещанных и выморочных («спадковых») имений. Так складывался обширный комплекс господарских владений, состоявший из городов, местечек и многочисленных сел [13, с. 34]. При этом следует отметить, что многие из них недолго находились в собственности господаря, поскольку жаловались феодалам-вассалам за службу, а также католической и реже православной церкви.

Владения великого князя на территории Беларуси достаточно детально перечислены в тексте Устава на волоки 1557 г. Исходя из чего нами сделан вывод, что государева юрисдикция распространялась на следующий объем собственности: в Берестейском повете – Берестье (Брест) и Каменец, в Браславском – Браслав и Опса, в Волковийском – Волковийск (Волковыск), Волпа, Зельва, Лысково, Межиреч (Мижеричи) и Мстибогов, в Городенском – Ожа, Перевалка (Привалка) и Перелом, в Лидском – Белица, Василишки, Лида, Острина и Радунь, в Менском – Гайна, Красное Село и Минск (Минск), в Новогородском – Ляховичи, Новогородок (Новогрудок) и Церин (Цырин), в Ошменском – Воложин, Гераноины, или Гераноины Мурованые (Геранены), Дуниловичи, Крево, Лебедево, Марково, Мядель, Ошмена (Ошмяны) и Трабы, в Полоцком воеводстве – Дисна, в Слонимском повете – Байкевичи, Лососиная и Слоним; а также «волости Русские» в разных воеводствах и поветах восточной Беларуси: Бобруйск, Борисов, Глуск, или Глуск Погорелый (Городок), Гомей (Гомель), Любошаны, Могилев, Мозыр, Мстиславль, Орша, Полоцк, Пропойск (Славгород), Речица, Свислочь и Чечерск [14, с. 562-565]. Из изложенного следует, что значительная часть доходов великих князей литовских, т.е. доходов государства, поступала с господарских владений, которые находились на территории Беларуси.

Население господарских владений – государственные крестьяне обладали рядом прав и льгот, которые были закреплены в областных и волостных привилегиях. Например, в привилегии великого князя, изданной в 1511 г. для крестьян поднепровских и задвинских волостей, запрещалось представителям великокняжеской администрации въезжать в эти волости и взимать с крестьян подати, которые они сами должны были в определенные сроки доставлять в казну [15, с. 176]. Однако со II половины XVI в. положение крестьян Беларуси изменилось. В 1557 г. была принята и введена в действие «Устава на волоки», которая знаменовала собой проведение аграрной реформы в государстве и четко сформулировала нормы феодального права собственности, которые сводились к следующему положению, изложенному в данном правовом акте: «кметь (крестьянин – прим. автора) и вся его маётность наша есть» [14, с. 570]. Таким образом, аграрная реформа в Беларуси во II половине XVI в., юридически оформленная в правовом акте как «Устава на волоки» (1557 г.), завершила длительный процесс закрепощения крестьян Беларуси. Результатом аграрной реформы стало создание новых фольварков и приписка к ним бывших

ранее свободных крестьян-данников, а также пожалование целых деревень и волостей отдельным феодалам – это привело к значительному сокращению числа крестьян-данников в XVI в. и количественному росту тяглых крестьян, обязанных отбывать барщину, т.е. крепостных.

Для того чтобы заставить крестьян своевременно выполнять все повинности, устанавливались различные имущественные взыскания и телесные наказания. Например, в законе о волоках 1557 г. предусматривалось наказание для государственных и великокняжеских крестьян за невыход на барщину без уважительных причин: за первый день – штраф в один грош, за второй – отдать барана, за третий – телесные наказания плетью [15, с. 171].

Проблемой происхождения крепостного права в Русском государстве занимались серьезно советские и российские ученые. Академик Б.Д. Греков выдвинул и обосновал концепцию закрепощения русских крестьян в своем фундаментальном труде «Крестьяне на Руси» (М., 1952 – 1954). В данной работе он исследовал зарождение и развитие крепостного права со времен Киевской Руси, а точнее с появления «Русской Правды». Судебники Московского государства XV – XVI вв. Б.Д. Греков рассматривал как дальнейшие ступени закрепощения крестьян. Законодательство 80–90 гг. XVI в., начиная с Указа о «заповедных годах» 1580 г., означало преодоление важной вехи в процессе развития крепостного права в Русском государстве. Политика феодального государства в этом вопросе сомкнулась с интересом господствующего класса, когда Соборное Уложение 1649 г. возвело отмену урочных лет сыска беглых в ранг общегосударственной политики и, тем самым, юридически оформило крепостную зависимость крестьян от их владельцев. В частности, ст. 1 гл. XI Соборного Уложения 1649 г. предписывала отмену урочных лет сыска беглых дворцовых и черносошных крестьян и бобылей, живущих в бегах у всех категорий землевладельцев, начиная от патриарха и кончая помещиками, а ст. 10 указанной главы Уложения предписывала возврат таких крестьян с родственниками и имуществом по переписным книгам, а за прием беглых устанавливалось взыскание – по 10 руб. за каждого крестьянина в год «за государевы подати и за помещиковы доходы» в пользу владельцев беглых [16, с. 230, 235].

Концепция академика Б.Д. Грекова до настоящего времени существенных уточнений теоретического порядка не претерпела. Однако ряд исследователей высказали мнение о необходимости более четкого разграничения понятий «крепостничество» и «крепостное право», поскольку они не совпадают по смыслу. Крепостничество, как явление внеэкономического принуждения в различных формах, присуще всем стадиям развития феодальных отношений, а крепостное право в его российском варианте почти рабского положения крестьян – это порождение более поздней эпохи (конца XVI – середины XVII в.) [17].

После принятия Соборного уложения 1649 г. система крепостного права в Русском государстве ужесточилась и обрела черты почти рабской зависимости крестьян от феодалов. Это, в свою очередь, вызвало обострение классовых противоречий в русской деревне и привело к массовому бегству крестьян из феодальных владений. Данному вопросу посвящена монография А.Г. Манькова [18], в которой показан процесс формирования общегосударственной системы сыска и возвращения беглых крестьян во второй половине XVII в. С этой целью в ст. 22, гл. XI Соборного Уложения 1649 г. были узаконены пытки и телесные наказания для беглых крестьян. Однако эта крепостническая мера в Русском государстве должного эффекта не принесла. Крепостные и черносошные (государственные) крестьяне уходили в поисках лучших условий жизни на восточные и южные окраины страны (Донские степи, Урал и Сибирь).

Анализ законодательства средневековой Сербии, Беларуси и Русского государства показал, что юридическое оформление социально-экономических изменений в

общественной жизни этих стран привели к росту и укреплению феодальной собственности, следствием которой стало усиление угнетения и окончательное закрепощение крестьянства. При этом обращает на себя внимание факт некоторой двойственности норм в правовых актах средневековой Сербии и Беларуси, где наряду с нормами, закреплявшими социальное неравенство людей, были включены и прогрессивные для своего времени нормы права, отражающие идеи эпохи Возрождения и Реформации, характерные для ряда стран Европы в рассматриваемый исторический период. К их числу относятся принцип равенства всех перед законом, ограничение власти государей и феодальной знати. Например, правовые нормы, изложенные в ст. 140 Призренского списка «Законника царя Душана», гарантировали судебную защиту меропхам (зависимым крестьянам) в отношении их господ, нарушивших закон [1, с. 138]. Ст. 181 указанного списка Законника предписывала судьям защищать интересы убогих, т.е. обездоленных слоев сербского общества; а ст. 186 запрещала арестовывать и помещать в темницу (тюрьму) людей без царской грамоты, т.е. ограничивала самоуправство феодалов и представителей царской администрации [1, с. 152, 154]. Аналогичное явление находит отражение и в нормах права Статутов Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского 1529, 1566 и 1588 г., где Беларусь в рассматриваемый исторический период была государственно-образующей основой. Однако и сегодня, спустя почти 700 лет, мы видим, что наличие прогрессивных и полезных для широких слоев населения юридических норм далеко не всегда гарантирует их должное применение на практике.

Литература

1. Законик цара Стефана Душана: Барањски, Призренски, Шишатовачки, Раковачки, Раванички и Софијски рукопис / Уредници академици М. Пешикан, И. Грицкат-Радуловић, М. Јовичић. – Београд: Српска Академија наука и уметности, 1997. – Књ. III. – 499 с.
2. Законникъ благовѣрнаго царя Стефана // Зигель, Ф. Законникъ Стефана Душана / Ф. Зигель. – Санктпетербургъ: Общественная польза, 1872. – 220 с.
3. Архив Српске Академије наука и уметности у Београду (АСАНУ). – Број.7903 / А.24. – Л.1-5.
4. АСАНУ. – Број.8876 / И.88. – Л.1-3.
5. Боброва, С.П. Феодальное землевладение в Сербии в XII - первой половине XIV вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / С.П. Боброва. – Воронеж, 1956. – 380 л.
6. Косово у повељама српских владара / Превод повеља Д. Богдановић. – Бања Лука – Београд, 2000. – 207 с.
7. Нюркаева, А.З. Положение крестьянства в Сербии XIII-XIV вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / А.З.Нюркаева. – Москва, 1955. – 434 л.
8. Повеља краља Стефана Душана о поклону Хиландару цркве Св. Ђорђа и села Полошко. – Фебруар 1340 г. // Стари српски архив / Одговорни уредник: Р. Михальчић. – Књ.6. – Београд: Ун-т у Београду, 2007. – С.56-58.
9. Соловјев, А. Одабрани споменици српског права (од XII до краја XV века) / А. Соловјев. – Београд: Издавачка књижарница Г.Кона, 1926. – 234 с.
10. Флоринскій, Т.Д. Критико-библиографическій обзоръ и новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію / Т.Д.Флоринскій // Университетска извѣстія. – Кієвъ, 1898. – № 11. – С. 232-244.
11. Законик цара Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукопис / Уредник академик М. Беговић. – Београд: Српска Академија наука и уметности, 1981. – Књ. II. – 300 с.
12. Ермолович, В.И. Основные институты уголовного права средневековой Сербии и Киевской Руси / В.И. Ермолович // Веснік БДЭУ. – 2019. – №2. – С. 61- 68.

13. *Спиридонов, М.Ф.* Закрепощение крестьянства Беларуси (XV –XVI вв.) / Под ред. А.Л. Хорошкевич. – Минск: Навука і тэхніка, 1993. – 223 с.
14. Русская историческая библиотека в 39 т. (1872 – 1927 гг.): Т.30: Литовская метрика / А.П. Барсуковъ, С.А. Белокуровъ, И.А. Бычковъ и др. – Юрьевъ: Изданіе Археографической комиссіи, 1914. – 588 с.
15. *Юхо, И.А.* Общественно-политический строй и право Белоруссии в XVI веке: дис...доктора юр. наук: 12.00.01 / И.А. Юхо. – Киев, 1980. – 399 л.
16. Соборное Уложение 1649 года: текст, комментарии / Г.В. Абрамович, Л.И. Ивина, А.Г. Маньков (руководитель) и др. – Л.: Наука, 1987. – 448 с.
17. *Корецкий, В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России / В.И. Корецкий. – Москва: Наука, 1975. – 392 с.
18. *Маньков, А.Г.* Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века / А.Г. Маньков. – Л.: Изд-во АН СССР, 1962.– 422 с.